

О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПОЭТЕ А. С. ПУШКИНЕ

ДОМА

Виктор Гроссман

В Вологде долгие годы живет и работает писатель Виктор Гроссман. Он автор двух книг об А. С. Пушкине: «Арион» и «После восстания». В настоящее время В. Гроссман заканчивает работу над новой повестью о великом русском поэте. Предлагаем вниманию читателей отрывок из этого произведения.

После семилетней опалы Пушкин возвратился в Петербург и занял номер в трактире Демута. В родительском доме поселиться не хотелось. Плохие отношения с отцом, тяжелый характер матери, неполадки в хозяйстве, а главное, привычка к свободной холостой жизни, к труду по утрам, так что лучше всего жить в гостинице.

Ранним утром Пушкин вышел на обычную прогулку. На первый взгляд, в столице все, как и прежде. Время словно остановилось. И Невский проспект, и Мойка, и Фонтанка, и каналы, и мосты, и Фальконовы памятники — все как было в пору его первой молодости при его царственном тезке, блаженной памяти Александре Благословенном. А душа принимала впечатления от Петрова града совсем иначе. Вот из этого дома, что принадлежит графу Лавалю, выехала его дочь, княгиня Трубецкая, чтобы разделить с мужем его незаслуженные страдания. На кровле Петропавловской крепости, открытом его взору, безжалостно задуманы пятеро мучеников, чьи имена обрели бессмертие, вот по этому тракту везли еще сто двадцать пять друзей, товарищей и братьев на далекую каторгу.

И Пушкин ощутил тревогу и одиночество. Жизнь идет, настало новое царствование, призвало к власти новых людей, и ему предстоит жить и трудиться среди них. Каково-то оно будет, это новое царствование? С царем Александром он не ладил и подсвистывал ему, сколько мог, царь Николай вызвал его в Москву, обласкал и вернул свободу, но какой ценой достанется ему эта царская милость, он не знал, и думать об этом ему было тяжело.

Домой он не спешил. Знал, что его ждет нерадостная встреча. С отцом он порвал еще в Михайловском, но и мать и отец сделают вид, что очень ему рады, ибо он не только прославленный поэт, но и обласканный царем страдалец. Любит его брат Левушка, но нет брата в Петербурге, несет службу на Кавказе. Любит его и сестра Ольга, но у нее, старшей девишки, своя грустная доля.

И все же, когда он вошел в

сени отчего дома, нежданный и незванный, его приятно обрадовал общий радостный крик, объятия, поцелуи, слезы и восторги, как это обычно в больших семьях, а их семья всегда отличалась склонностью к сентиментам.

Сергей Львович перекрестил сына, и, театрально прижав его к груди, сказал по-французски:

— Я вас прощаю, как отец и христианин!

Мать положила голову ему на плечо — она была выше его ростом — и Пушкину было приятно ощущать на шее ее мягкие руки, а на щеке ее тяжелое дыхание.

Сестра Ольга расцеловалась с ним крест-накрест трижды, а потом он поцеловал ей руку.

Его окружила многочисленная дворня. Одни хватили за полу фрака, другие кланялись в ноги, целовали в плечо, ввели в гостиную, пододвинули мягкое кресло, усадили и отошли.

Но когда оживление стихло, шум умолк, наступила пора семейной беседы, оказалось, что говорить-то и не о чем.

Вскоре приехал Жуковский. Все ахнули.

— Как ты узнал о моем приезде? — спросил Пушкин, целуя старого друга.

— Мудреного мало. Царь сообщил эту новость своей августейшей супруге, Александре Федоровне, а та не замедлила передать ее мне, зная, что мы с тобою, хотя и мыслим разное о делах политических, но связаны тесною дружбой, которую я никогда не скрывал. Как воспитатель наследника-цесаревича, я должен быть вне подозрений, но двор понимает, что в тебе я ценю прежде всего первого поэта и гордость русского народа. А уж как царь так скоро узнал о твоём прибытии в столицу, это уж его секрет. Он со мною им не поделился. Да и секрета здесь нет: Бенкендорф доложил ему список приезжих, который ведется на всех заставах.

С приходом Жуковского беседа пошла задушевнее и живее. Он спрашивал Пушкина о старых московских друзьях, о журналах, о новых произведениях, о замыслах и намерениях, сам рассказывал о Булга-

рине и Грече, которые в литературном мире образовали большую силу, рассказал о Дельвиге и литературных схватках, о его жене, которая свела дружбу с Анной Петровной Керн, о старых арзамасцах, которые теперь заняли высокие посты: стали министрами, дипломатами, сенаторами.

И беседа потекла точно ровный ручеек в тенистом лесу. Пушкин любил Жуковского, восхищался его поэтическим слогом, говорил, что он «в бореньях с трудностью силач необычайный», но образ Жуковского-царедворца был ему непримлем.

Распровавшись с родными, Пушкин собрался к себе в Демутов трактир. Жуковский пошел проводить его. Но в середине настоящей беседы не было. Между ними пролегла черта, которую ни перейти, ни зачеркнуть.

Жуковский не скрывал, что в его глазах декабристы были бунтовщиками, разбойниками, нераскаившимися преступниками, исчадием ада. И кара, постигшая их, казалась ему справедливой и даже мягкой.

А для Пушкина они были мучениками идеи, борцами за свободу, лучшими сынами России. Но возражать Жуковскому или спорить с ним было бесполезно.

И Пушкина охватила тоска, тоска от одиночества в родной семье, от одиночества в любимом городе, где протекла его первая бурная молодость, где он испытал первые раны сердца.

Он прожил едва четверть века, а сколько пережил за этот короткий срок. На его глазах сменилось три царствования. Первый царь сорвал с него шапку, когда он с нянькою гулял в Летнем саду, второй сослал его сначала на юг, а потом в северную глухую деревню, третий вернул его в столицу... но душа полна самых тревожных предчувствий.

...Прошло три дня, и Пушкина утром поднял с постели слуга из отцовского дома. Он принес от сестры записку с просьбой прийти домой по делу, не терпящему отлагательства. Пушкин встревожился. Быстро оделся и пошел. Слуга провел его через черный ход в комнату сестры Ольги. Там, кроме

нее, сидел молодой человек, которого он немного знал и раньше как любителя музыки и собирателя старинных песен. Звали молодого человека Николаем Ивановичем Павлищевым. Сестра голосом, полным слез, рассказала, что Николай Иванович давно за нею ухаживал, делал предложение, но родители не только отказывали ему, но даже перестали принимать в доме и ей запретили с ним видеться. А вчера дело дошло до скандала. Она с матерью была на балу у знакомых. Был там и Павлищев, который пригласил ее на танец. Несмотря на запрет матери, она согласилась участвовать с ним в надрили.

Надежда Осиповна узнала об этом через знакомых дам и не стеснясь чужих людей, сделала дочери резкое замечание. Говорят, даже толкнула ее. Ольга упала в обморок и, когда очнулась, то послала сказать своему поклоннику, что согласна венчаться тайно, без согласия родителей. Тою же ночью в полковой церкви Измайловского полка они были обвенчаны, а после разошлись по своим квартирам. А теперь, когда все уж свершено и возвраты к прежнему нет, они смущены и не знают, как им поступить. И решили послать за ним, Пушкиным, чтобы послушать его доброго совета.

Пушкин, не задумываясь долго, сказал:

— Теперь и думать не о чем. Что бог соединил, того человек не разъединит. Так думает русский народ, так верят и наши родители. Вам остается одно. Смириться, пойти к родителям, бухнуться им в ноги и сказать все, как есть. А им уж придется простить вас, волею или неволею. А там благословят, и будете жить да поживать.

Так и сделали. Вскоре из родительской спальни раздался фальшивый крик Сергея Львовича, который звал цирюльника пустить ему кровь.

Ах, мне дурно, ах, умираю! — повторял он и быстро забыл о новобрачных с их тайной свадьбой. А Надежда Осиповна долго молчала, холодно и зло смотрела на дочь и ее супруга и потом, обратившись к нему, сказала: «Хоть вы и мой зять, но говорить я с вами никогда не буду. Не рассчитывайте на это».

В комнате Ольги, куда ушли все трое, молодые стали благодарить Александра Сергеевича за помощь и поддержку. Тот морщился, хмурился; точно над ним кружились назойливые мухи, и, наконец, поднялся, чтобы уходить. У самого порога он наклонился к сестре и быстро проговорил: «Все так, все хорошо, да ты мне испортила «Онегина». Раньше он должен был похитить Татьяну, а теперь он этого не сделает»...